

Часть первая

КРОВАВЫЙ СНЕГ ФЕВРАЛЯ

Глава первая

7 февраля 1920 года

Иркутск

главнокомандующий Восточным фронтом

и Правитель Дальне-Восточной России

генерал от инфантерии Каттель

— Почему я остановился именно на кандидатуре Серебренникова, Александр Васильевич? Я успел переговорить со многими людьми, хорошо его знающими, отзывы о нем получил самые противоречивые, что сразу же привлекло мое внимание. Да и вы сами, насколько я знаю, имели с ним короткое знакомство в Омске, в свое время, ведь так?

— Он мне тогда показался каким-то серым, молчаливым, вечно сумрачным, несколько растерянным, что ли. Возглавляемое им министерство снабжения никак не могло удовлетворить растущие запросы армии...

— Не могу спорить тут с вами, однако... Ученый не политик и яркой личностью быть не может по определению, иначе просто перестанет быть таковым. Потребности фронта действительно многократно выросли, тут вы тоже полностью правы. Вот только смена министра, когда механизм работы его ведомства был налажен в определенной степени, отнюдь не улучшила положение в деле снабжения населения и армии, а совсем наоборот, значительно ухудшила

ситуацию с приходом нового руководителя, не знавшего толком все детали созданного Серебренниковым управления. Данное решение правительства Вологодского принесло для дела большую неразбериху, потом и хаос в этом первостепенно важном для нас моменте. И знаете, почему это все произошло, Александр Васильевич?

Задав вопрос, генерал Каппель пристально посмотрел на задумавшегося Верховного Правителя — тот молчал, сосредоточенно о чем-то размышляя. Они сидели в креслах и сосредоточенно курили — дым уходил к высокому потолку кабинета, зимние солнечные лучи отражались бликами в наскоро отмытых оконных стеклах. Разговор был приватный, на нем настоял сам адмирал. Потому собеседники обходились «без чинов», как говорят в таких случаях. Им двоим было необходимо окончательно расставить все точки над «i» в сложившейся ситуации. Молчание затянулось, возникла неловкая пауза, и Владимир Оскарович, понимая, что делает бестактность, решил сам дать ответ на поставленную им самим проблему.

— Серебренников человек дела, что довольно редко встречается среди русской интеллигенции. Но зато если такие есть под рукою, то они незаменимы в самых трудных ситуациях. Иван Иннокентьевич поставил дело снабжения с нуля — ведь ничего до него не имелось. И главное — как ученый, он прекрасно знает производственную и ресурсную базу Сибири и сделал ставку на использование именно ее. И не его вина, а беда, что здесь мало населения и заводов. Но старался использовать все, поставив во главу угла именно экономику и ее разумное использование, ввиду нашей скудности.

Каппель остановился, потер ладонью уставшие, красные от постоянного недосыпания глаза. Тяжело вздохнул — ноша ответственности за армию и страну оказалась невероятно тяжелой — тут генерал искренне сочувствовал своему собеседнику, что волей судьбы принял на себя пост Верховного Правителя России. Но и щадить чувства последнего не мог — недаром на Востоке говорят, что «правда есть горькое лекарство».

— Посмотрите на «старое» Временное Сибирское правительство образца полуторагодовой давности, сравните с тем же КОМУЧем и с приснопамятной Директорией — минимум министров, скромный аппарат управления, да то же здание министерства снабжения в Омске особняком назвать трудно, язык не повернется. Но в том и заключалась эффективность данного ведомства! Да, одеть в шинели армию трудно, но чем хуже полушубки и тулупы? Да, разномастно, режет глаз любого военного, но поверьте личному опыту — пусть мои солдаты обмундированы как ополченцы, но в сибирские морозы им в меховых бекешах будет намного лучше, чем в дрянных английских пальто, что получили мы от наших «добрых» союзников!

Генерал Каппель сдержал рвущееся из него раздражение, потер пальцами виски — громкие, сказанные в сердцах слова отозвались приступом головной боли. И заговорил намного спокойнее, почти как всегда холодно и рассудительно, но смягчать тональность своих высказываний нарочито не стал, его слова хлестанули адмирала, словно бичом.

— С вашим приходом количество министерского аппарата резко выросло — с точки зрения масштабов России это значимо, но все дело в том, что

под контролем так и осталась прежняя Сибирь. Но зато эффективная организация сразу утонула в российской бюрократизации. Поставленные вами люди действовали так, как их учили, и так, как они умели, совершенно не понимая, что революция изменила практически все! Все!

Каппель остановился, судорожно вздохнул, словно ему не хватало воздуха. Посмотрел на спокойное, но побледневшее лицо Колчака и заговорил снова медленно, голос звучал негромко и хрипло:

— У нас стала иная страна, неузнаваемая, и старые методы к ней неприменимы, Александр Васильевич. Вот в чем одна из весьма весомых причин краха белого движения. Судорожно цепляясь за старые, отжившие порядки, которыми была недовольна большая масса населения, мы не предложили ничего иного взамен, наиболее лучшего и эффективного. Не дали людям новую идею для возрождения будущего величия страны, и хуже того... Засевшие в креслах, набранные по выслуге лет и старым связям, люди... Начальники, я хотел сказать... Им доверили население и армию, а они сделали все, невольно, разумеется, в силу собственного ума и ущербного опыта, чтобы запретить любые, пусть и очень полезные новшества, но никак не попадающие под параграфы тех или иных прежних установлений, которые намертво вбиты в головы! Таким людям никак нельзя доверять будущее нашей несчастной страны, они живут исключительно в прошлом, не смогут учиться на своих ошибках, ибо искренне считают, что все делают верно. А переучивать их, поверьте мне, поздно! Да и не смогут они...

Каппель дрожащими пальцами взял папиросу — Владимир Оскарович никак не ожидал от себя, что

начнет курить так, жадно и взахлеб, но остановиться уже не мог. Курение помогало ему думать, а главное, отвлекало от постоянного зуда в руках, да и черные мысли, приходящие время от времени в голову, отгоняло. Неимоверно трудно ощущать каждый день определенную двойственность собственной натуры, однако именно она и помогала ему находить нужное решение острых и чрезвычайно трудных проблем.

— Наша ставка на помощь союзников в поставках, извините за сей каламбур, целиком и полностью провалилась. Нынешней осенью моим войскам вместо обещанных американских «кольгов» прислали совершенно дрянные французские «сен-этьены», которые нам пришлось бросить в первых боях с наступавшими красными. Скинули с себя и пальто, в морозы в них холодно, и все оделись в разные полушубки — то есть невольно сделали то, что предлагал дальновидный Серебренников. Только за эту замшелость бездарных столоначальников впустую заплатили золотом, и что хуже — кровью и жизнью наших солдат! А мы сейчас уже не можем платить за победу большими потерями — нам просто негде взять новых солдат. К тому же нужно выиграть время, чтобы навести мало-мальский порядок у нас в тылу, унять партизан и бандитов, или хоть выдавить их в безлюдную тайгу подальше, провести крайне нужные реформы, наконец!

— Поэтому вы предлагаете заключить перемирие с красными, Владимир Оскарович? Вы думаете, большевики на это пойдут?

— Я много раз ставил себя на место красного командования в Москве — они вошли в Сибирь на волне партизанщины, и силы у них небольшие. Но даже от таких наши войска, потеряв волю, поспешно

отступали. А сейчас мы будем наступать, по крайней мере я надеюсь на это. Нужно разбить их 30-ю стрелковую дивизию и не отбросить на Красноярск, а именно уничтожить. Такая наша победа не может не встревожить большевиков! Она должна напугать их! К тому же их руководство, эти самые народные комиссары во главе с Лениным, прекрасно понимают и знают, какую роль играют здесь интервенты, и, уверен, боятся прямого с ними военного столкновения, особенно с японцами. Их игра с Политцентром в «буфер» и натолкнула меня на эту мысль. Откуда большевикам знать, что у нас, как говорится, «король голый»? Так что передышка им нужна не меньше, чем нам — необходимо осмотреться, закрепить захваченную территорию Сибири за собою. И главное...

Куйтун
командующий Нижнеудинской группой
генерал-лейтенант Сахаров

— Вашим солдатам, господин полковник, нужно продержаться еще четверть часа, и все...

Генерал Сахаров демонстративно посмотрел на циферблат часов, звонко щелкнув крышкой массивной «луковицы». Затем снова прижал к глазам бинокль, разглядывая поле сражения, где решался самый животрепещущий для любого военного вопрос — кто останется на нем победителем?!

Командующий 3-й чешской дивизией полковник Прхала незаметно поморщился — то ли от замечания русского генерала, то ли от снежной россыпи, что закружилась от сильного разрыва очередного прилетевшего от красных снаряда. Ожесточенные

бои за станцию шли уже второй день, и чех еще вечером отдал бы приказ своим войскам на отход, будь на то его воля. Ему совсем не хотелось понапрасну лить кровь своих солдат на чужой земле, но он имел категорический приказ от командующего чехословацким корпусом генерала Сыровы удержат станцию еще на одни сутки и тем позволить белым частям пойти в глубокий обход, охватив сразу с двух сторон фланги атакующей Куйтун бригады Грязнова.

— Красные действуют уже по привычке, брате генерал, — усмехнулся Прхала, — считают, что если немного усилить нажим, то мы снова отойдем с занятых позиций, оставим им станцию и даже бросим несколько эшелонов с интендантурой. А дальше большевики снова двинутся в обход, произведут очередное давление, затем последует новый бой и обычное в такой ситуации наше отступление. По-моему, сейчас начнется третья атака, самая сильная будет — противник ввел в действие все свои резервы...

С крыши станции в бинокль было хорошо видно, как, обтекая насыпь с двух сторон, проламываясь через кустарники и небольшой лесок, двинулись перебежками неожиданно густые цепи красных. Их поддерживала артиллерия — над позициями чехов вспухли редкие белые облачка шрапнели, — стреляла от силы парочка орудий, и, судя по всему, советская батарея испытывала острую нужду в снарядах, что было вполне объяснимым. Преследование большевики вели безостановочно и напористо, а потому, как и отступавшие от них белые, бросали все, что затрудняло стремительное продвижение вперед — в первую очередь орудия, и, соответственно, боеприпасы к ним.

«Вот теперь пора, можно и нам начинать!»

Сахаров скривил губы в злой ухмылке и, прижав к уху трубку полевого телефона (связист в это время лихорадочно прокрутил на аппарате ручку), приказал громким голосом, чтобы на том конце провода расслышали сказанные под грохотом канонады слова:

— Дать сигнал на бронепоезда! Открыть беглый огонь!

Прошло только полминуты, и над головами полетели снаряды, позади послышался чудовищный грохот от залпов сразу восьми батарей — без малого три десятка орудий, вся артиллерия группы — полевые трехдюймовые пушки, четыре 48-линейные гаубицы и две шестидюймовые мортиры полностью накрыли взрывами атаковую красную пехоту.

Словно чудовищной силы смерч прошелся по вытянутому на несколько верст полю. В небо полетели вывороченные взрывами деревья, куски человеческих тел, поднялась густая завеса из снега и дыма. Орудия все грохотали и грохотали, развив максимально допустимую скорострельность, снарядов сейчас не жалели, подвезя из Иркутска целый эшелон боеприпасов. А потому позиции были заранее подготовлены, произвели пристрелку, определив квадраты и время переноса на них огня.

Одновременно с беглым артобстрелом затрещали десятки станковых и ручных пулеметов. Совершенно неожиданно для наступавших красных — доселе либо молчавших, либо посылавших в наступавших бойцов скупые очереди, больше подзадоривавших и зливших противника, чем наносящих ему реальные потери. А вот это уже начался не бой, а самая настоящая бойня, похожая на безжалостную мясорубку войны с германцами, когда массированно применен-

ная немцами артиллерия поднимала своими взрывами сидящие в окопах целые полки русской пехоты.

— Я такое только в Галиции видел, летом шестнадцатого, когда вы сами наступали на австрийцев, — пробормотал полковник Прхала, но русский генерал его услышал и громко произнес:

— Я тоже не видел за последние два года такого зрелища! Сейчас большевики понесут чудовищные потери — в чистом поле от шрапнели и гранат укрыться негде. Да еще наши пулеметы...

Послышался громкий паровозный гудок, затем донесся грохот и лязганье. За зданием показался бронепоезд, извергающий из трубы клубы черного дыма и идущий в стремительную атаку на всех парах. Стальная крепость на колесах представляла собою грозное зрелище — за первой контрольной платформой была прицеплена бронеплощадка с двумя пушками в башенноподобных щитах, из бортов торчали в амбразурах хищные рыльца полудюжины пулеметов «максим». Затем шел тендером вперед бронированный паровоз, на котором вылезла пнем с прорезями командирская башенка. За ним прикрытый стальными листами десантный вагон с амбразурами для стрельбы из ручных пулеметов, в котором помещалось до взвода вооруженных до зубов стрелков. В конце бронепоезда шла вторая бронеплощадка, практически полный близнец первой, и замыкающая контрольная платформа, груженная разным железнодорожным инвентарем, необходимым для проведения срочного ремонта поврежденных взрывами путей.

В бою такое случалось довольно часто, даже свои снаряды могли случайно раскурочить уложенные на шпалы рельсы. Стесненный в маневренности и ско-

рости на поврежденном перегоне, а то и совсем полностью обездвиженный бронепоезд уже могла с легкостью, практически в упор, прямой наводкой расстрелять полевая артиллерия, да те же самые русские трехдвоймовки, что на фронте «косой смерти» именовали. Промаха в такую стоящую огромную мишень расчеты орудий практически не делали, и горящий исполин, внутри которого гремели взрывы, превращался в братскую могилу для всего экипажа, в искореженный стальной гроб гигантских размеров.

За первым бронепоездом с отрывом прошел и второй, также измазанный белой краской и известью для маскировки, а еще через несколько минут выдвинулся третий — ему на выходе из станции должны перевести стрелки на другой путь. Грохоча огнем и пламенем, громяхая на рельсах, бронепоезда вломились в бегущих толпами, группами и одиночками красных, как разъяренные кабаны в камыши, безжалостно расстреливая запаниковавших бойцов практически в упор. И пошли дальше, не останавливаясь, — чехи от самого Нижнеудинска старались не портить железнодорожные пути, полностью их освободив от своих эшелонов. Потому им приходилось отчаянно пропихивать набитые русским имуществом составы за Куйтун. Но иногда интервенты просто освобождали поезда от всякого добра, щедро раздавая его крестьянам, а пустые вагоны сбрасывали с насыпи.

Приказ русского главкома был выполнен, хотя чехи чуть ли не плакали навзрыд от жадности, глядя на груды отобранного у них имущества, как-то подзабыв, что сами долгое время занимались вульгарным грабежом богатых сибирских городов и сел. Ведь все эти тысячи вагонов нажиты отнюдь не непосильным

трудом, и теперь их содержимое просто возвращалось законным хозяевам, в лице которых выступали сибиряки и каппелевцы.

Но не столько это являлось главным — не менее значимым оказалось стремление полностью освободить железнодорожные пути до Тулуна и далее на запад. Теперь бронепоезда и несколько эшелонов с пехотой могли стремительно продвинуться до самого Нижнеудинска — перегон был пустым. Судьба сразу двух бригад 30-й дивизии красных являлась предопределенной — дорога назад им полностью отрезана, с открытых флангов при поддержке артиллерии и пулеметов должны яростно атаковать сибиряки, причем уже деморализованного противника, растянувшего живой ниткой свои подразделения, истратившего последние боеприпасы, — таких либо сразу добивают, или берут в плен, ведь об упорном сопротивлении речи быть не может...

— Дружно поднялись в атаку ваши солдаты, господин полковник. Смело идут, пулям не кланяются, — одобрительно произнес русский генерал, глядя, как серая линия шинелей продвинулась вперед, в клубящуюся впереди пелену разрывов — три чешских и румынский батальоны решительно шагнули в свою последнюю атаку на сибирской земле. Им нужно было выполнить поставленную задачу, хотя солдатам сильно не хотелось рисковать в этом бою. Но вид ужасного зрелища, для противника, конечно, но отнюдь не для «братушек», воодушевил союзников, которые доселе только отступали, оставляя богатые трофеи преследователям.

Теперь интервенты горели жаждой отплаты, скорой и беспощадной, за все пережитые ими страхи, за отобранное добро, на которое они рассчитыва-